

Известия. - 2000. - 24 янв. - 46.

Королева русского ромansa

Воспоминание об Изабелле Юрьевой

Год начался с потерь. Уходят любимейшие — словно и впрямь дожидались окончания девяностых, хотели дожидаться магического числа на календаре, заглянуть по ту сторону века. Изабелле Юрьевой удалось то, чего почти не бывает, — соединить в своей долгой прекрасной жизни век девятнадцатый с веком двадцать первым.

Федор ЧЕХАНКОВ

Последние недели она была в коме — постепенно уходила. Это естественно, что человек на сто первом году уходит. Но она так приучила всех к мысли, что она — вечная, что есть в Трехпрудном переулке кирпичный дом, где множество знаменитостей и из них первая — Изабелла Юрьева, живая легенда.

Я часто ее встречал у Никитских ворот, всегда под руку с мужем, Аркадием Михайловичем Аркадьевым, который был ее продюсером, администратором, посвящал ей песни, безумно ее любил — это была очень счастливая семья.

В 54-м в Москве ей не разрешили сольные выступления. Ее не было на радио. Она ездила по стране, пела свои знаменитые романсы. Году в 57-м петь вообще прекратила. Ушла и из светской жизни — жила тихо со своим су-

ругом. Вспомнили о ней ближе к ее 90-летию — оказывается, Изабелла Юрьева, кумир и легенда века, жива и здорова и вот уже тридцать лет нигде не показывается! Ей немедленно дали звание — я так ее и объявил: самая молодая народная артистка!

В 93-м году Борис Брунов устроил в Театре эстрады вечер «В честь королевы русского ромansa». Ее привезли, маленькую, в очень красивом платье, которое для нее сшил Слава Зайцев. В нем же она была и на своем столетнем юбилее. Она была очень хороша. И это знала. Говорила: «Я могу забыть дома все что угодно, но забыть губную помаду — невозможно!» Она должна была петь. Брунов ей предложил для храбрости немножко коньяка. «Что вы! — в ужасе кричала она. — Я совсем потеряю голос!» Но на сцену вышла и блестяще спела, даже не спела — сыграла со своим потрясающим актерским талантом. Конечно, какие-

то ноты она уже не держала, и уже не было знаменитых ее цыганских интонаций, которыми она славилась и которые ей были запрещены специальными распоряжениями.

Документы сохранились поразительные. «Уполномоченному репертуарного комитета от Изабеллы Юрьевой. Прошу разрешить для исполнения в программе мюзик-холла следующие старинные романсы: «Никому ничего не рассказывай», «Жигули», «Он уехал». Резолюция: «Исключительный по пошлости и мешанству репертуар. Разрешить сроком на один год, пока не будут подготовлены произведения, созвучные времени». Это был 1927 год. Девять лет спустя родился другой документ: «В порядке контроля снять с репертуара и изъять из продажи грампластинки с так называемыми «старинными» вокальными произведениями — «Бирюзовые колечки», «Мы сегодня расстались с тобой», «Меня не греет шаль», «Сияла ночь», «Прощай, мой табор». 2 октября 1936 года». Она перестраиваться не умела, и был большой перерыв, когда она не пела. Потом вернулась.

Была она и в Париже. В 20-х. Ее звали там остаться, петь, сниматься. Но она не пела и не снималась — вернулась в Россию.

Ну что говорить о том, какая она была! Бог взял и отметил. Нигде не училась, впервые в 19-м году спела в любительском концерте в Ростове-на-Дону. Потом пела в ленинградском кинотеатре. Но слава началась, когда она выступила в сборном концерте в московском «Эрмитаже». Ее прозвали «мадам Аншлаг» — залы были переполнены. На афише у Большого театра ее фамилия шла красной строкой, а ниже — помельче: Гельцер, Качалов, Пашенная, Тарасова, Барсова. Она была первой.

Она действительно была очень красива. Даже в сто лет! Ее последние крупные планы удивительно наивны, чисты, беззащитны. Она даже всплакнула на этом своем удивительном юбилее: ничего не поделаешь, время уходит и люди тоже. А что до красоты — то она совсем о ней не жалеет. Вот если бы сохранился голос — вот тут она бы показала!

Три года назад на 25-летию концертного зала «Россия» она спела в последний раз. Спела так, что весь зал встал. Королева русского ромansa.